

мог не осознавать себя продолжателем карамзинской традиции. Не случайно его «претендующие» на чувство сатирические персонажи апеллируют к Карамзину, благодаря чему еще ярче выступает их душевная несостоятельность. Таково объяснение Хлестакова с городничихой, таково любовное послание, полученное Чичиковым, в котором героя приглашали «оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом», и которое заканчивалось строфой из «Двух песен» Карамзина.

Карамзинские мотивы звучат и в «Старосветских помещиках», сама художественная форма которых имеет много черт, идущих от сентиментализма. Если Карамзин писал в свое время: «Слушаю разногласный шум листьев, столь отличный от городского, парижского, лондонского шуму»,<sup>4</sup> рассказчику у Гоголя, находящемуся «в шуме и толпе, среди модных фраков», воспоминание о добрых старичках навевает полусон, подобный тому, который наводит «прекрасный дождь», «хлопая по древесным листьям» «и навевая дрему на ваши члены».

Поэзия природы, пронизывающая всю повесть Гоголя, без сомнения имеет здесь принципиальное значение. Она сливается с душевной добротой старичков, объясняет ее и противостоит «шуму и толпе», окружающим петербуржца-рассказчика.

Косвенным подтверждением особой смысловой функции, которую выполняет в этом произведении природа, является далекий от натуралистического правдоподобия пейзаж, открывающий собой повесть. В нем сочетаются цветущая черемуха, «багрянец вишен», спелые дыни, т. е. вещи, не совместимые в одно и то же время.<sup>5</sup> Без сомнения, речь тут должна идти не о какой-либо оплошности Гоголя, а о философском значении этого пейзажа.

В творчестве Гоголя можно найти и такие образы, в которых идея «естественного» человека воплощена, так сказать, в чистом виде. Напомним хотя бы губернаторскую дочку из «Мертвых душ». Как это подчеркнуто самим писателем, названный образ противостоит всем остальным персонажам его поэмы: «Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопратно-плеснеющих низменных рядов ее, или среди однообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высших, везде хоть раз встретится на пути человеку явление, не похожее на все то, что случалось ему видеть дотоле <...> Так и блондинка тоже вдруг совершенно неожиданным образом показалась в нашей повести и так же скрылась» (VI, 92).

Внутренний смысл этой фигуры определяется в поэме не через какие-либо слова или действия блондинки (поскольку в данном

<sup>4</sup> Н. М. Карамзин, Сочинения, т. VII, М., 1803, стр. 173—174.

<sup>5</sup> Это наблюдение приводится в кн.: Louis Leger. Nicolas Gogol. Paris, 1914, стр. 106.